

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лебедев

**Константин Великий,
первый христианский император
(+337)**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 6. С. 674-697.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Константинъ великій, первый христіанскій императоръ († 337 г.).

Общій очеркъ *).

ЦЕРКОВЬ дала императору Константину имя „равноапостольнаго“ и этимъ опредѣлила его значеніе въ области церковной исторіи. Онъ называется „равноапостольнымъ“ (*Евсев. Жизнь Констан. IV, 71*) потому, что послѣ цѣлаго ряда римскихъ императоровъ, воздвигавшихъ гоненія на христіанъ въ продолженіе трехъ вѣковъ, былъ первымъ императоромъ, обратившимся въ хри-

*) Статья эта была наготовлена для одного спеціального изданія, а потому авторъ ея профессоръ Московскаго Университета Алексѣй Петровичъ Лебедевъ скончался (въ понедѣльникъ) 14 іюля 1908 г. См. о немъ „Русскій Паломникъ“ 1902 г., № 19, стр. 331—332 (проф. А. А. *Бронзовъ*); „Богословскій Вѣстникъ“ 1908 г., № 7—8, стр. 577—597 (проф. А. И. *Покровский*), 598—604 (надгробныя рѣчи А. А. *Спаскаго*, А. И. *Покровскаго* и Н. П. *Кудрявцева* [нынѣ игуменъ *Никаноръ*]); № 9, стр. 103—141, № 10, стр. 298—326, № 11, стр. 456—486 (проф. А. А. *Спасскій*—и въ отдѣльной брошюрѣ [Сергіевъ Посадъ 1908], которая изображаетъ „учено-литературную дѣятельность Ал. П. Лебедева и заслуги въ области церковно-исторической науки“, давая „характеристику его личности, какъ профессора и человѣка“); 1909 г., № 1, стр. 108—126 († С. И. *Шумовъ*); „Странникъ“ 1908 г., № 9, стр. 275—305 (проф. Н. Н. *Глубоковскій*); „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1908 г., № 10, стр. 56—73 „Современной Лѣтописи“ (проф. И. Д. *Андреевъ*); „Душеполезное Чтеніе“ 1908 г., № 8, стр. 578—584 (священникъ Н. А. *Колосовъ*), 585—595 (рѣчи прот. П. Н. *Сахарова*, священника Д. И. *Ромашкова* и священника Н. А. *Колосова*); № 9, стр. 136—138 (рѣчь Н. П. *Кудрявцева*, а все вмѣстѣ брошюрою подъ заглавіемъ: „Памяти покойнаго профессора Алексѣя Петровича Лебедева“, Москва 1908); Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго Университета за 1908 годъ, ч. I (Москва 1909),

стіанство и поставившимъ своею цѣлю внѣдрить христіанскія идеи и убѣжденія во всѣ отправления государственной жизни. Апостолы имѣли въ виду своею проповѣдію просвѣтить и освятить каждаго отдѣльнаго человѣка; Константинъ же в., сдѣлавшись христіанскимъ императоромъ, старался воплотить христіанскія понятія и нравы въ самый государственный организмъ; поэтому государственные законы, правительственные учрежденія, военная организація стали сообразоваться съ тѣми требованіями, какія заключаются въ христіанствѣ. По всему этому дѣятельность Константина в. приближается къ апостольской дѣятельности. Гражданская исторія за ту же заслугу усвоила ему наименование „великаго“.

Отецъ Константина в.—Констанцій Хлоръ, сначала кесарь по правительственной Діоклитіановой системѣ, а потомъ полноправный императоръ († 306 г.). Мать его Елена происходила изъ низшаго званія и была или содержательницею или даже служанкою гостиницы. Она была наложницею Констанція, когда этотъ послѣдній былъ незначительнымъ офицеромъ; по рожденіи отъ нея Константина, она, по всей вѣроятности, сдѣлалась супругою Констанція. Сынъ ихъ родился въ городѣ Наиссѣ, въ верхней Мизіи (теперь Нишъ—въ Сербіи). Годъ рожденія Константина в. не точно извѣстенъ. Одни историки относятъ этотъ фактъ къ 274 году, а другіе къ 288 году. Если вѣрить Евсевию, который утверждаетъ (Ж. К. I, 5), что Константинъ скончался, имѣя болѣе шестидесяти лѣтъ, то мы должны будемъ склоняться въ пользу первой даты; но нужно сказать, что большинство лучшихъ современныхъ намъ историковъ, не довѣряя Евсевию, придерживаются второй даты.

Для насъ, конечно, очень важно знать, какого рода вліяніе отецъ и мать имѣли или могли имѣть на воспитаніе, характеръ и убѣжденія Константина в. А для этого намъ нужно имѣть бо-

---

стр. 456—474 († проф. прот. *Н. А. Елеонскій*); „Московскія Церковныя Вѣдомости“ 1908 г., № 43 (за 25-е октября), стр. 1078—1082, № 45 (за 8-е ноября), стр. 2028—2035 (священникъ *П. П. Сахаровъ*); „Голосъ Истины“ (приложеніе къ газетѣ „Колоколь“), № 4 (Спб., январь 1909 г.), стр. 71—72 (священникъ *Сергій Соколовъ*); Отчетъ о состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи за 1908 годъ при „Христіанскомъ Чтеніи“ 1909 г., № 3, и отдѣльно (Спб. 1909), стр. 5—7; Отчетъ о состояніи Казанской Духовной Академіи за 1907—1908 г. при „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1908 г., № 11, и отдѣльно (Казань 1908), стр. 10—11.—*Н. Н. Г.*

лѣе или менѣе опредѣленные представленія объ отцѣ и матери Константина в. Болѣе подробными и, вѣроятно, болѣе точными свѣдѣніями мы обладаемъ о Констанціи. О немъ мы знаемъ много хорошаго и ничего дурного. Онъ даже представляется какимъ-то идеальнымъ государемъ и человѣкомъ, какимъ-то счастливымъ исключеніемъ въ ряду другихъ римскихъ императоровъ того времени. По словамъ церковнаго историка Евсевія (Ц. И. VIII, 13), Констанцій былъ государемъ самымъ краткимъ, благосклоннымъ къ подданнымъ и весьма расположеннымъ къ христіанскому ученію; по своей жизни онъ оказывался выше другихъ современныхъ ему императоровъ, являлся правдивѣйшимъ и благодѣтельнѣйшимъ изъ всѣхъ. Правда, это—слова христіанскаго писателя, который могъ быть пристрастенъ къ отцу перваго христіанскаго императора; но нужно помнить, что мы не слышимъ голосовъ, которые бы дѣлали неблагопріятные отзывы объ этомъ государѣ. У Евсевія (Ж. К. I, 14) мы находимъ рассказы, которые рисуютъ безкорыстіе и добрыя отношенія Констанціи къ своимъ подданнымъ. Его благосклонное отношеніе къ христіанамъ засвидѣтельствовано и другимъ христіанскимъ писателемъ. Въ то время, какъ на всемъ Востокѣ кипѣло гоненіе Діоклитіаново, Констанцій на Западѣ (въ Галліи, Британіи) оставлялъ христіанъ неприкосновенными: они жили въ мирѣ и благоденствіи. Не имѣя возможности являться послушникомъ воли Діоклитіана, старшаго изъ императоровъ, Констанцій въ своихъ владѣніяхъ позволилъ одно—разрушить нѣкоторые изъ христіанскихъ храмовъ (*Lactantii De mortib. persecut.*, cap. 15; ср. *Евсев.* Ц. И. VIII, 13 и Ж. К. I, 13). Особенно важно для насъ знать, какихъ религіозныхъ воззрѣній держался Констанцій и насколько онъ способенъ былъ сдѣлать своего сына, Константина в., приверженцемъ христіанства. Разумѣется, Констанцій не былъ христіаниномъ; но о немъ извѣстно, что онъ отрекся отъ служенія многимъ языческимъ богамъ и поклонялся только единому Богу. Евсевій прямо говоритъ (Ж. К. I, 17), что онъ признавалъ „одного надъ всѣми Бога“. Все-таки это еще не былъ ни іудейскій, ни христіанскій монотеизмъ. Полагаютъ, что Констанцій былъ почитателемъ персидскаго божества Митры, культъ котораго былъ распространенъ между лицами военнаго сословія; это божество отличалось монотеистическимъ характеромъ, почиталось единымъ божествомъ—солнцемъ, и на римской почвѣ

это почитаніе сливалось съ солярнымъ божествомъ Аполлономъ. Культъ Митры внѣшне приближался къ христіанскому не только своимъ монотеизмомъ, но и своими обрядовыми особенностями:—поклонники Митры имѣли и свое крещеніе, и свою священную вечерю, свои посты и другія аскетическія упражненія ¹⁾. Возможно, что именно этотъ культъ, внѣшне сходный съ христіанскимъ, былъ культомъ Констанція. Евсевій приписываетъ благочестіе и всему дому этого императора; онъ говоритъ (Ж. К. I, 17), что Констанцій „весь домъ свой вмѣстѣ съ дѣтьми, женою и домашними посвящалъ одному Царю—Богу“. Тотъ же историкъ прибавляетъ (ibid.), что общество, собиравшееся во дворцѣ этого государя, походило на церковь Божию и что здѣсь находились и служители (христіанскаго) Бога, которые возносили молитвы о государѣ. Это описаніе характера двора Констанціева, съ перваго взгляда, представляется преувеличеннымъ; но на самомъ дѣлѣ Евсевій очень близокъ къ истинѣ. Нужно помнить, что по политическимъ расчетамъ Констанцій долженъ былъ удалить отъ себя Елену и жениться на падчерицѣ императора Максиміана Геркулія, правившаго Италією. Хотя Максиміанъ былъ грубый язычникъ, но тѣмъ не менѣе, по какой-то случайности, бракъ Констанція съ падчерицею этого язычника внесъ въ домъ его элементъ христіанскій. Новая супруга его называлась Теодорою—имя чисто христіанское; мало того: Теодора несомнѣнно была христіанкою, и только остается неяснымъ, была ли она христіанкою и тогда, когда она выходила замужъ, или же сдѣлалась такою впоследствии (на монетахъ Константина в. встрѣчается иногда изображеніе ея и при томъ съ христіанскими эмблемами). Дѣти Констанція и Теодоры, повидимому, были христіанами; напр., одна изъ дочерей ихъ называлась Анастасією—имя не встрѣчающееся и едва ли возможное у язычниковъ ²⁾.

Принимая во вниманіе сказанное нами о Констанціи и его царскомъ дворѣ, можно утверждать, что Константинъ в. встрѣтилъ во времена своего дѣтства условія, благопріятныя для своего нравственнаго и религіознаго воспитанія. У отца онъ могъ учиться кротости къ подчиненнымъ, любви и вни-

¹⁾ Prof. Th. Zahn, Constantin der Grosse und die Kirche въ Skizzen aus dem Leben der alten Kirche (Erlangen 1908²), S. 215—216.

²⁾ См. у Prof. Victor Schultze, Art. „Konstantin der Grosse“ въ R—E. von Herzog-Hauck X², S. 758.

манію къ христіанамъ, а отъ окружающихъ Констанція могъ и прямо знакомиться съ ученіемъ и вѣрою христіанскою. Но насколько то, другое или третье на самомъ дѣлѣ усвоено было Константиномъ въ это время,—мы мало знаемъ. Во всякомъ случаѣ Евсевій имѣлъ основаніе утверждать (Ж. К. I, 12), что „соревнованіе отцу призывало сына (Константина) къ подражанію ему въ доблестяхъ“.

Всѣго естественнѣе было бы ожидать фактовъ, которые указывали бы особенно благотворное вліяніе на Константина в. въ дѣтскомъ и отроческомъ его возрастѣ со стороны его матери—Елены, причисленной къ лику святыхъ; но, къ сожалѣнію, о матери Константина мы очень мало знаемъ за этотъ періодъ. Намъ неизвѣстенъ нравственный обликъ ея, и мы не имѣемъ свѣдѣній о вліяніи ея на характеръ и воспитаніе своего сына. А важнѣе всего то, что мы не можемъ утверждать, была ли христіанкою Елена во время нѣжнаго возраста сына и, слѣдовательно, участвовала ли она въ приготовленіи сына къ принятію имъ христіанства. Правда, историкъ Θεодоритъ именуетъ (Ц. И. I, 18) ее „родительницею этого свѣта (т. е. сына-христіанина) и питательницею его благочестія“. Но это извѣстіе историка V-го вѣка находитъ себѣ опроверженіе у Евсевія, который очень ясно говоритъ, что—напротивъ—Елена обязана своимъ обращеніемъ къ христіанству сыну своему, Константину в. Онъ пишетъ (Ж. К. III, 47): „изъ неблагочестивой (т. е. язычницы) царь сдѣлалъ ее столь благочестивою, что въ правилахъ благочестія она казалась наставленною самимъ Спасителемъ“. Константинъ в., какъ видно изъ всего, очень высоко чтилъ свою мать,—и, безъ сомнѣнія, было за что; но во всякомъ случаѣ о значительномъ вліяніи Елены на Константина въ дѣтскомъ его возрастѣ мы не имѣемъ основаній говорить.

Очень важное значеніе въ воспитаніи характера и христіанскихъ убѣжденій Константина в. имѣло его продолжительное пребываніе при дворѣ старшаго императора, Діоклитіана, въ Никомидіи (Евсев. Ж. К. I, 19. II, 51). Послалъ ли Констанцій своего сына сюда съ цѣлію выработать изъ него многосторонняго и опытнаго администратора и офицера, или же самъ Діоклитіанъ потребовалъ Константина в. въ Никомидію въ качествѣ заложника въ вѣрности его отца старшему императору, т. е. Діоклитіану,—въ томъ и другомъ случаѣ пребываніе Константина в. при дворѣ должно было

имѣть для него большое воспитательное значеніе. Оно продолжалось, можетъ быть, болѣе десяти лѣтъ и началось въ то самое время, когда слагаются характеръ и нравственная личность человѣка. (Онъ былъ въ это время, по словамъ Евсевія, *ἡμιδῆ καίς*). Въ особенности очень важно пребываніе Константина в. здѣсь для его христіанскаго роста. Повидимому, жизнь Константина в. при дворѣ жестокаго гонителя христіанъ не могла оказываться благопріятною для христіанскаго воспитанія Константина в., но на самомъ дѣлѣ съ христіанами и ихъ достоинствами онъ нигдѣ не могъ ознакомиться въ такой мѣрѣ, какъ именно на Востокѣ, при дворѣ императорскомъ, и въ такую эпоху, какъ гоненіе Діоклитіаново. Самъ Константинъ в. впослѣдствіи прямо признавалъ, что пребываніе при дворѣ Діоклитіана было дѣломъ не послѣднимъ въ его приготовленіи къ принятію христіанства и къ христіанской дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, при дворѣ Діоклитіана онъ могъ познакомиться съ лучшими людьми изъ христіанскаго общества, которыхъ было не мало на службѣ у Діоклитіана, и, ознакомившись, могъ цѣнить ихъ ревность, честность, вѣрность, преданность и достоинства ихъ жизни. Въ штатѣ Діоклитіановскаго двора мы встрѣчаемъ христіанъ въ высокихъ должностяхъ. Такъ, Лукіанъ имѣлъ должность, соотвѣтствующую камергерской; Горгоній и Дороеей принадлежали къ лицамъ приближеннымъ къ императору; нѣскольکو христіанскихъ юношей находились при дворѣ въ качествѣ императорскихъ пажей. По свидѣтельству Евсевія (Ц. И. VIII, 1 и 6) нѣкоторые христіане занимали также видныя мѣста въ административныхъ сферахъ тогдашней имперіи. Такъ было, конечно, до времени гоненія. Жизнь христіанъ и сношенія Константина в. съ достойнѣйшими изъ нихъ при дворѣ, которымъ не могли отказывать въ уваженіи даже такіе враги христіанства, какъ Діоклитіанъ, должны были показывать Константину в., чтѣ за люди были христіане, какъ много хорошаго вносило христіанство въ гражданскія отношенія. Здѣсь, на Востокѣ, онъ могъ придти къ правильному представленію о силѣ и распространенности христіанства; онъ могъ видѣть здѣсь „многолюдныя собранія во всякомъ городѣ и стеченія христіанъ въ молитвенныхъ домахъ, обширныя церкви“ (Евсев. Ц. И. VIII, 1). Но вотъ кончились времена мира для христіанъ. Діоклитіанъ изъ благосклоннаго къ христіанамъ дѣлается жестокимъ гонителемъ

христіанъ (303—305 г.). Кровь ни въ чемъ неповинныхъ христіанъ льется ручьями; самыя приближенныя къ Діоклитіану лица изъ христіанъ беспощадно наказываются и даже убиваются. Нельзя было смотрѣть на это зрѣлище безъ глубокаго сожалѣнія, а вмѣстѣ и уваженія къ невиннымъ страдальцамъ. Вотъ что, напр., происходило въ самой Никомидіи на глазахъ Константина. Тѣ, кто еще вчера окружали царскій тронъ, влекутся нынѣ на казнь, и именно они первыми изъ всѣхъ христіанъ (*Евсев. Ж. К. I, 15*). Священники, служители алтаря, безъ всякихъ допросовъ предавались въ руки палачей. Лица нечиновныя всякаго возраста и пола не рѣдко ввергались въ огонь, другихъ бросали въ море, привязавъ камень на шею. Съ каждымъ днемъ выдумывались новыя и новыя казни для христіанъ. Гоненіе никого не щадило. Оно было такъ распространено, что Лактанцій, пользуясь словами Вергилія, говорилъ (*De mort. pers., cap. 16*): „еслибы у меня была сотня устъ и желѣзный языкъ, то и тогда бы не могъ я поименовать всѣ наказанія“, приготовленныя для вѣрующихъ. Силѣ и свирѣпости гоненія соотвѣтствовала и ревность христіанъ къ вѣрѣ. Въ сознаніи своей невинности „цѣлыми тысячами“ шли они на смерть (*Евсев. Ц. И. VIII, 4*). Могъ ли Константинъ в., смотря на безпричинную свирѣпость гонителей христіанъ, на тысячи жертвъ императорской политики, на твердость и мужество христіанъ, чѣмъ они громче всякихъ словъ говорили, что вѣра ихъ святая истина,—могъ ли онъ, видя все это, не понимать, что христіане и христіанство это—могучая сила, пришедшая въ міръ и требовавшая глубокаго уваженія къ себѣ? Если же при этомъ взять во вниманіе, что Константинъ в., видя гоненіе Діоклитіаново и сопровождавшія его волненія и безпорядки, не могъ не отдавать предпочтенія образу дѣятельности своего отца Констанція, который неизмѣнно благоволилъ къ христіанамъ и въ этомъ находилъ залогъ общественнаго спокойствія, то сердце Константина в. однажды навсегда должно было отречься отъ всякой ненависти къ христіанамъ, даже только ради блага имперіи. Какіе уроки Константинъ вынесъ изъ обстоятельствъ своего пребыванія „при дворѣ тирана“,—объ этомъ впоследствии самъ онъ заявлялъ при различныхъ случаяхъ. Это пребываніе навсегда поселило въ немъ отвращеніе къ казнямъ христіанъ. „Я отчуждился отъ бывшихъ доселѣ правителей потому, что видѣлъ дикость ихъ нравовъ“ (*Евсев.*

Ж. К. II, 49)³⁾. Онъ пришелъ къ мысли, что гнать христіанъ есть дѣло безсмысленное, ни къ чему, кромѣ вреда, не ведущее. Впослѣдствіи Константинъ в. изумленно восклицатель (Oratio ad sanct. coetum, cap. 25): „какая была Діоклитіану польза вступать въ войну съ нашимъ Богомъ“, т. е. христіанскимъ? Послѣ этого нисколько не удивительно, если Константинъ в., сдѣлавшись императоромъ крайняго Запада по смерти отца, въ 306 г., подъ живымъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго имъ гоненія, счелъ первымъ долгомъ объявить въ своихъ областяхъ свободу христіанскаго исповѣданія (*Lactant. De mort. pers.*, cap. 24).

Условія жизни Константина в., рассказанныя нами доселѣ, въ общемъ имѣли то благодѣтельное слѣдствіе, что воспитывали въ немъ благорасположенность къ христіанству, побуждали его навсегда отказаться отъ преслѣдованій на христіанъ и цѣнить ихъ, какъ усердныхъ подданныхъ. Этимъ опредѣлялась для Константина в. политика мира въ отношеніи къ христіанамъ. Тѣмъ не менѣе, и сдѣлавшись императоромъ крайняго Запада, занявъ мѣсто отца своего Констанція, онъ не былъ христіаниномъ и пока не пришелъ къ мысли, что ему нужно сдѣлаться христіаниномъ. Въ душѣ его еще происходила борьба старыхъ языческихъ идей съ новыми христіанскими. И неизвѣстно, долго ли душа его оставалась бы въ колеблющемся, нерѣшительномъ положеніи, еслибы трудныя и грозныя обстоятельства не склонили его искать помощи у Бога, а этотъ Богъ дивнымъ образомъ и утвердилъ его въ этомъ рѣшеніи. Въ 312 году Константинъ в. вознамѣрился предпринять военный походъ противъ римскаго императора Максенція. Цѣлю этого похода частію были виды филантропическіе:—Константинъ в. хотѣлъ исхитить Римъ изъ рукъ тирана. Походъ представлялъ очень многія трудности: самому популярному полководцу, любимому войсками, не легко было заставить свою армію пойти съ мечемъ въ сердце Италіи, внести войну въ священную для язычниковъ почву Рима, сдѣлать нападеніе на Капитолій. Подобное предпріятіе обыкновенно производило въ римскихъ войскахъ глубокой ропотъ неудовольствія.

³⁾ При этомъ замѣчается, со словъ самого Константина в., что послѣдній еще во времена пребыванія при Діоклитіанѣ убѣдился въ ничтожествѣ оракуловъ Аполлона и ихъ вредоносности для христіанъ (*Евсев. Ж. К. II, 50*).

Случалось, что армія отказывалась идти противъ Рима. Самъ Константинъ в. не могъ освободиться отъ чувства невольнаго страха, отваживаясь на походъ противъ Рима. При томъ Константинъ в. никогда не былъ въ Римѣ, не видалъ его, а потому этотъ городъ казался ему какимъ-то грознымъ исполиномъ. Наконецъ, Константину в. было извѣстно, что войско, которымъ располагалъ его противникъ Максенцій, было многочисленнѣе его войска. Походъ на всемірную столицу и въ Италію представлялся очень смѣлымъ и рискованнымъ. Надѣяться на однѣ человѣческія силы и средства было недостаточно. Въ полководцѣ являлось искреннее желаніе исканія помощи сверхъестественной. Вотъ какъ Евсевій описываетъ состояніе духа Константина в. въ виду грозныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находился онъ теперь. Константинъ в. „сталъ думать, какого Бога призвать бы себѣ на помощь. При рѣшеніи этого вопроса ему пришло на память, что немалое число прежнихъ державныхъ лицъ, возложивъ свою надежду на многихъ боговъ и служа имъ жертвами и дарами, были вводимы въ обманъ льстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаніями и оканчивали свое дѣло неблагоприятно. Константинъ основательно разсуждалъ, что полагавшіеся на многихъ боговъ подвергались и многимъ бѣдствіямъ“. Въ этихъ размышленіяхъ Константина в. выражалось уже полное невѣріе въ языческихъ боговъ; сердце его далеко отстояло отъ нихъ. Язычество представлялось ему ложью, сплетеніемъ обмановъ. Когда его мысли переносились къ политическимъ переворотамъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, ему живо представлялось, что въ самое короткое время, напр., погибли уже двое изъ лицъ, на его глазахъ полновластно распоряжавшихся судьбами всемірной имперіи. Они имѣли „постыдный конецъ“. Въ силу этихъ размышленій,—по словамъ Евсевія,—Константинъ рѣшилъ, что не слѣдуетъ „попусту держаться боговъ несуществующихъ и послѣ столькихъ доказательствъ оставаться въ заблужденіи“ (Ж. К. I, 27). Мысль Константина в. искала на небесахъ истиннаго Бога, вѣрнаго помощника въ браняхъ. Константину в. тѣмъ необходимѣе было противопоставить могуществу Максенція какую-либо новую, неизвѣданную силу, что этотъ послѣдній употреблялъ всѣ мѣры, чтобы заручиться покровительствомъ боговъ языческихъ: онъ совѣтовался съ книгами Сивиллиными, га-

далъ по внутренностямъ беременныхъ женщинъ, приносилъ въ жертву львовъ; „этими способами онъ надѣялся одержать побѣду“ (*Евсев. Ж. К. I, 37. Lactant. De mort. pers., cap. 44*). Чѣмъ болѣе Максенцій обставлялъ себя религіозными церемоніями, тѣмъ болѣе и Константинъ в. съ своей стороны, потерявъ вѣру въ могущество языческихъ боговъ, однако же религіознымъ упованіямъ своего врага долженъ былъ противопоставить подобныя же упованія. Но мысленный взоръ Константина в., отвращаясь вѣры въ язычество и не имѣя вѣры въ христіанскаго Бога, тщетно блуждалъ по сторонамъ. Единственно, на чемъ могъ Константинъ остановиться мыслию, это былъ Богъ отца его, Констанція, единый и верховный владыка всего. И вотъ среди недоумѣній Константинъ в. возноситъ молитву тому Богу, который могъ бы помочь ему, даровать ему побѣду. Молитва Константина в. была услышана.

Теперь мы подошли къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ сказаній изъ жизни Константина в. Разумѣемъ сказаніе о видѣніи имъ днемъ на небѣ, составившагося изъ яркаго свѣта, изображенія креста. Этотъ рассказъ, со словъ самого императора, оповѣщенъ знаменитымъ Евсеіемъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ это повѣствованіе (*Ж. К. I, 27—31*). „Однажды послѣ полудня, когда солнце уже начало склоняться къ западу, Константинъ собственными глазами узрѣлъ сложившееся изъ свѣта и лежавшее выше солнца (или надъ солнцемъ: *ὀρακείμενον τοῦ ἡλίου*) знаменіе креста (*σταυροῦ τροκαίων*) съ надписью: с имъ п обѣждай [т. е., конечно, по смыслу рассказа, съ латинскою надписью: *hoc vinces*]. Это зрѣлище объяло ужасомъ какъ его самого, такъ и все войско. Константинъ, однако же, находился въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: что значило бы такое явленіе? Но между тѣмъ какъ думалъ онъ такимъ образомъ, наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ съ показаннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобное этому, показанному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ“. Поднявшись отъ сна, онъ собралъ мастеровъ, умѣвшихъ дѣлать драгоценныя вещи, приказалъ имъ изъ золота и драгоценныхъ камней соорудить знамя, сходное съ видѣннымъ имъ во снѣ, при чемъ обстоятельно описалъ это знамя (*τοῦ σημείου τῆν εἰκόνα*). Приказаніе его было исполнено. Этимъ знаменемъ, какъ оборонительнымъ оружіемъ, Кон-

стантинъ в. всегда пользовался въ сраженіяхъ съ непріателемъ.

Произошло,—по разсказу Евсевія,—событіе необычайное и таинственное. Разумѣтся, современная наука,—не только свѣтская, но и богословская,—очень неохотно склоняетъ свой слухъ къ этому разсказу и прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, чтобы свести его на „нѣтъ“, совсѣмъ отвергнуть его, или же придать ему болѣе или менѣе удобоприемлемый натуральный смыслъ, т. е. истолковать его такъ, чтобы чудесность его возможно менѣе бросалась въ глаза. Первое дѣлается обыкновенно въ западной наукѣ и преимущественно въ протестантской (за рѣдкими исключеніями); примѣръ второго рода отношенія къ разсказу началъ встрѣчаться и въ нашей наукѣ. Разумѣемъ не очень давнюю актовую рѣчь, написанную проф. Московской Духовной Академіи А. А. Спасскимъ: „Обращеніе Константина Великаго въ христіанство“⁴⁾. Любопытно видѣть, какъ оперируютъ надъ вопросомъ русскіе изслѣдователи, а потому остановимся на разсмотрѣніи указанной рѣчи,—тѣмъ болѣе, что, сколько знаемъ, это первый опытъ скептическаго отношенія къ разсказу Евсевія въ русской церковно-исторической литературѣ, а можетъ быть и вообще въ русской наукѣ. Какой путь избираетъ А. А. Спасскій для достиженія своей цѣли? Авторъ собственно избираетъ два главные способа для того, чтобы уменьшить престижъ разсказа Евсевія и привести въ сомнѣніе этотъ разсказъ. Во-первыхъ, онъ старается отдать предпочтеніе предъ сказаніемъ Евсевія сказанію Лактанція, который признаетъ, что видѣніе Константиново было не на яву, а во снѣ; во-вторыхъ, А. А. Спасскій усиливается въ разсказѣ историка Созомена о событіи отыскать слѣды скептическаго отношенія древней церковной историографіи къ чудесному разсказу отца церковной исторіи.

Начнемъ съ Лактанція. Проф. А. А. Спасскій пишетъ: „Кесарійскій (?) историкъ по части своего разсказа имѣетъ опаснаго соперника въ другомъ христіанскомъ современникѣ Константина, извѣстномъ Лактанціи, который разсказываетъ о томъ же чудесномъ событіи въ жизни Константина, но

⁴⁾ Брошюра (стр. 1—74) подъ такимъ заглавіемъ отдѣльно имѣетъ дату: „Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1905“; она составляетъ оттискъ изъ „Бог. Вѣстн.“, гдѣ рѣчь напечатана статьями въ 1904 г. (т. III) и 1905 г. (т. I).

передаетъ его значительно иначе. Лактанцій—не случайное какое-либо лицо въ вопросѣ о видѣніи Константина. Ученый риторъ, изъ язычества обратившійся въ христіанство и своими произведеніями стяжавшій славу христіанскаго Цицерона, Лактанцій быть можетъ въ 307 или 308 г. былъ призванъ Константиномъ къ себѣ, чтобы стать воспитателемъ старшаго сына Криспа ⁵⁾, и съ тѣхъ поръ находился при дворѣ Константина. Поэтому, Лактанцію скорѣе, чѣмъ кому-либо другому, должны были быть извѣстными чудесныя обстоятельства, сопровождавшія походъ на Максенція, и дѣйствительно въ своемъ сочиненіи „О смерти гонителей“, написанномъ не позже 315 года, т. е. самое большое года два спустя послѣ похода ⁶⁾, онъ, описывая этотъ походъ, точно (?) указываетъ время и мѣсто совершавшихся здѣсь событій ⁷⁾. Но онъ ничего не знаетъ о явленіи креста на

⁵⁾ См. у А. А. Спасскаго: Брош., 25; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 651. Итакъ, въ 307 или 308 г. Лактанцій призванъ Константиномъ в. для воспитанія Криспа! Но это въ высшей степени невѣроятно. Криспъ родился въ 306 или даже 307 году: слѣдовательно, въ 307—308 г. онъ нуждался не въ учителѣ, а въ мамкѣ (дата рожденія Криспа указывается историкомъ *O. Seeck*’омъ въ *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, Berlin 1897—1898, I, S. 475.—*Seeck*’омъ, писателемъ очень авторитетнымъ для г. Спасскаго: см. его брош., 51 примѣч.; „Бог. Вѣст.“ 1905 г., I, 73). Да и могъ ли въ 307 году Константинъ в., тогда еще язычникъ, интересоваться „христіанскимъ Цицерономъ“ и приглашать его для воспитанія сына, еслибы его сынъ нуждался уже въ педагогическомъ руководствѣ? Впрочемъ, г. Спасскій потомъ отказывается отъ указанной даты: 307—308 годъ (Брош., 35; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 661).

⁶⁾ Не въ 315 году написана книга *De mort. perséc.*, а даже раньше, еще ближе къ разбираемому нами событію,—въ 313 году, но написана не на Западѣ, не въ Галліи, не въ Трирѣ, гдѣ впоследствии Лактанцій училъ наукамъ Криспа, а на Востокѣ, въ *Никомидіи*, прежде вызова Лактанція въ Триръ и—значитъ—прежде знакомства его съ Западомъ. Таково утвержденіе † проф. *В. В. Болотова* (см. отзывъ его о сочиненіи проф. А. И. Садова, Древне-христ. писатель Лактанцій, Спб. 1900, стр. 46). Указываемъ на Болотова потому, что если онъ авторитетенъ для кого, то въ особенности для проф. А. А. Спасскаго, который говоритъ о себѣ: „мы намѣренно включаемъ въ свою статью все, что мы нашли у Болотова касательно нашего вопроса“ (Брош., 29 прим.; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 655).

⁷⁾ Напротивъ: *очень не точно*. *Victor Schultze* признаетъ рассказъ Лактанція о событіи въ хронологическомъ отношеніи—невѣрнымъ: „zeitlich falsch“ (R.—E. von Herzog-Hauck X³, S. 762), а равно и мѣсто событія указано у Лактанція не точно. Дѣло происходило въ то время, когда войско Константина в. едва двинулось и не знало еще, куда его

солницѣ (!)⁸⁾. Все его извѣстіе сводится къ тому, что Константинъ, приблизившись къ Риму незадолго до послѣдней битвы съ Максенціемъ, во время сна (in quiete) получилъ вразумленіе свѣта (?!)⁹⁾ (commonitus est—былъ побужденъ) изобразить на щитахъ войска небесное знаменіе (coeleste insignum)¹⁰⁾, которое состояло (!) изъ монограммы имени

ведуть (Ж. К. I, 28. 37). Какъ объясняетъ Шульце, событіе произошло въ началѣ похода, весной 312 года и, вѣроятно, еще въ предѣлахъ Галліи (ibid.). А по Лактанцію событіе случилось глубокою осенью, при видѣ Рима (cap. 44: imminabat dies, quo Maxentius impregium sererat, qui est ad sextum calendas Novembres,—т. е. 28 октября; дальше слѣдуетъ рассказъ о видѣніи и сраженіи со врагомъ). Вообще, наукою признано, что Лактанцій въ своихъ извѣстіяхъ по части исторіи Запада очень не точенъ. O. Seeck говоритъ (S. 482): „in der Geschichte des Westens seine Darstellung wimmelt von gröbsten Fehlern“. Для придворнаго человѣка, какимъ считаютъ Лактанція въ эпоху событія, такое явленіе nepостижимо,—тѣмъ болѣе, что въ качествѣ „историка Востока“ тотъ же Лактанцій является прекраснѣйшимъ источникомъ (ibid.).

⁸⁾ „Лактанцій ничего не знаетъ о явленіи креста на солнцѣ“! Вѣрно. Но вѣдь объ этомъ почти никто не знаетъ, кромѣ г. Спасскаго и его руководителя. Не только у Лактанція, но и у Евсевія ни о какомъ явленіи креста на солнцѣ ничего не говорится. Г. Спасскій, приводя сказаніе Евсевія о событіи, говоритъ: „царь собственными глазами увидалъ составившееся изъ свѣта и лежащее на солнцѣ (послѣднія слова,—добавимъ отъ себя,—читаются въ оригиналѣ такъ: *ἔπερκειμενον τοῦ ἡλίου*) знаменіе креста съ надписью“ (Брош., 22; „Бог. Вѣст.“ 1904 г., III, 648). При другомъ случаѣ, поясняя эту мысль, г. Спасскій говоритъ о „знаменіи, явленномъ Константину на солнцѣ и составившемся изъ свѣта лучей, лежавшихъ на солнцѣ“ (Брош., 64; „Бог. Вѣст.“ 1905 г., I, 86). Это странное извѣстіе онъ повторяетъ много разъ. Авторъ допускаетъ чудо изъ чудесъ, чудо въ чудѣ: свѣтовой крестъ, лежащій на солнцѣ, т. е. свѣтъ на свѣтѣ. Это всё равно, что допускать возможность водяного изображенія креста на рѣкѣ. Чудо это создано г. Спасскимъ, который слишкомъ довѣрчиво отнесся къ русскому переводу Vitae Constantini, сдѣланному неизвѣстнымъ петербуржцемъ (рус. пер., стр. 78). Этотъ переводъ ввелъ въ заблужденіе ранѣе † проф. И. В. Чельдова и нѣкоторыхъ другихъ, а теперь автора академической рѣчи. Дѣло въ томъ, что глаголъ *ἔπερκειμαι* не значить „лежать на чемъ“, а лежать надъ чѣмъ, выше чего. Такимъ образомъ чудо, передаваемое профессоромъ со словъ будто бы Евсевія,—упрощается.

⁹⁾ „Получилъ вразумленіе свѣта“! Чтò это значить? Въ текстѣ Лактанція нѣтъ словъ, соответствующихъ этому переводу. Можетъ быть, г. Спасскій такъ переводитъ слова: coeleste signum, но, во-1-хъ, это очень произвольно, а, во-2-хъ, такой переводъ играетъ въ руку Евсевія и его сторонниковъ, ибо „вразумленіе свѣта“ немислимо во свѣ.

¹⁰⁾ Въ текстѣ Лактанція: signum, а не insignum.

Христа, и съ этимъ знаменемъ побѣдилъ тирана ¹¹⁾). Лактанцій такимъ образомъ подтверждаетъ лишь вторую половину разсказа Евсевія о ночномъ видѣніи ¹²⁾, не возбуждающую никакого сомнѣнія. Но за то тѣмъ большій вѣсъ приобретаетъ молчаніе его о первой, болѣе спорной, части разсказа касательно видѣнія на солнцѣ (?), потому что трудно допустить, чтобы столь необычайное событіе, случившееся въ виду всего войска, могло оставаться неизвѣстнымъ ни самому Лактанцію, воспитателю дѣтей (сына?) Константина, ни тѣмъ придворнымъ кружкамъ, въ которыхъ онъ вращался“. (Брош., стр. 25—26; „Бог. Вѣстн.“ 1904 г., III, стр. 651—652).

Попутно мы уже сдѣлали нѣсколько замѣчаній съ цѣлю ослабить аргументацію проф. А. А. Спасскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ понизить значеніе свидѣтельства Лактанція по поводу интересующаго насъ событія. Но этими замѣчаніями нельзя ограничиться. Нужно подвергнуть критикѣ главнѣйшіе выводы разсматриваемаго русскаго автора. Онъ говоритъ, что „Лактанцій въ своихъ извѣстіяхъ подтверждаетъ лишь вторую часть разсказа Евсевія о ночномъ видѣніи, не возбуждающую никакого сомнѣнія“. Этими словами, по нашему мнѣнію, сказано частію очень мало, а частію очень много. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно взглядемся въ разсказъ Лактанція, то найдемъ, что, повидимому, онъ зналъ не одни слухи о ночномъ видѣніи Константина в., а что-то больше. Разсказъ начинается словами: „Константинъ былъ увѣщываемъ (неизвѣстно—къмъ) во снѣ изобразить *небесное Божіе знаменіе* (coeleste signum Dei) на щитахъ“. Что это за знаменіе? Когда Константинъ в. видѣлъ его? Нельзя думать, что это знаменіе онъ видѣлъ во снѣ. Тогда оно было бы не „небесное Божіе знаменіе“, а сонное видѣніе. Первое названіе было бы слишкомъ торжественно по отношенію къ сонному видѣнію. Очевидно, сонному явленію предшествовало какое-то явленіе на

¹¹⁾ Словами: „и съ этимъ знаменемъ побѣдилъ тирана“ г. Спасскій перевелъ слѣдующую фразу Лактанція: quo signo armatus exercitus capit ferrum. Соответствія почти нѣтъ.

¹²⁾ Приводимъ полный текстъ того мѣста изъ Лактанція, надъ которымъ оперируетъ г. Спасскій въ вышеприведенныхъ своихъ разсужденіяхъ: Commonitus est in quiete Constantinus, ut coeleste signum Dei notaret in scutis atque ita praelium committeret. Facit ut jussus est et transversa X litera, summo capite circumflexo Christum in scutis notat. Quo signo armatus exercitus capit ferrum (cap. 44).

небѣ, посланное отъ Бога, и происходило оно, повидимому, наяву. Лактанцій только почему-то не хочетъ говорить о немъ ¹³). Самъ г. Спасскій невольно признаётъ это, когда, опираясь на Лактанція, говоритъ о какомъ-то „вразумленіи Константина свѣтомъ“. Вѣдь не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, какой-то „сонный свѣтъ“ произвести тѣ послѣдствія, о которыхъ рѣчь идетъ далѣе у Лактанція! Разсказъ Лактанція начинается не съ начала. Если г. Спасскій представляетъ себѣ, чтѣ такое за „свѣтъ“, который „вразумлялъ“ Константина в., то почему онъ ясно не сказалъ объ этомъ? Намъ думается, что еслибы нашъ изслѣдователь занялся разъясненіемъ: чтѣ такое *coeleste signum Dei*, то онъ долженъ былъ бы сознаться, что подъ этими терминами едва ли можно разумѣть другое что, кромѣ какого-то необыкновеннаго небеснаго феномена ¹⁴). Съ другой стороны, какъ мы указали выше, г. Спасскій допускаетъ слишкомъ много, когда говоритъ, что разсказъ Лактанція подтверждаетъ ту половину повѣствованія Евсевія, въ которой сообщается о ночномъ видѣніи. У Евсевія прямо говорится, что во снѣ ночью явился Константину в. Христось. Ничего такого не „подтверждаетъ“ Лактанцій. Кто привидѣлся во снѣ Константину,—мы совсѣмъ не знаемъ: латинскій писатель говоритъ объ этомъ загадочно. По Евсевію, очень ясно выходитъ, чтѣ приказалъ Христось сдѣлать Константину в., а по Лактанцію — ничего не поймешь,—не поймешь, чтѣ это за *coeleste signum Dei*, которое приказалъ изобразить на щитахъ неизвѣстный. Вѣроятно же всего, по Лактанцію, являлся во снѣ Константину в. вовсе не Христось, а какой-нибудь ангелъ ¹⁵). Чтѣ же тутъ общаго между Евсевіемъ и Лактанціемъ? Судя по тому, что вслѣдъ за тѣмъ на щитахъ у воиновъ появляется что-то въ родѣ монограммы (а можетъ быть и изображеніе креста чрезъ

¹³) А почему онъ могъ не хотѣть этого,—объ этомъ нѣкоторыя догадки дѣлаетъ вышеупомянутый нами Prof. V. Schultze (слова его при ведемъ нѣсколько ниже на стр. 690).

¹⁴) Нѣкоторые комментаторы Лактанція склонны видѣть въ *coeleste signum Dei* указаніе на явленіе Константину в. креста на небѣ. См. Migne lat. VII, col. 813.

¹⁵) По извѣстіямъ Руфина, чудесное событіе, о которомъ мы ведемъ рѣчь, какъ и по Лактанцію, сводится къ сонному видѣнію, при чемъ дѣйствующими лицами являются именно ангелы. Версія Руфина и Лактанція имѣютъ между собою нѣчто общее, но о Руфиновомъ сказаніи рѣчь впереди (стр. 692 сл.).

нѣкоторое измѣненіе положенія буквы X—transversa X litera); но спрашивается: неизвѣстный, явившійся Константину в. (думаемъ,—ангелъ), неужели только и сдѣлалъ, что сообщилъ свѣдѣнія о буквѣ X? Если такъ, то ни для Константина в., ни для войска такого рода откровеніе не могло имѣть ни малѣйшаго значенія. Такимъ образомъ, г. Спасскій явно преувеличиваетъ значеніе разсказа Лактанція: этотъ разсказъ ничуть не подтверждаетъ сказанія Евсевія о ночномъ явленіи Христа; напротивъ, онъ ни одною чертой не сходится съ упомянутымъ сказаніемъ историка церкви. Разсказъ Лактанція не ясенъ, не понятенъ, не производитъ никакого впечатлѣнія. Онъ такъ же отличается отъ Евсевіева, какъ сонъ отъ дѣйствительности. Лактанцій слышалъ звонъ, да не зналъ, откуда онъ. Впрочемъ, и могъ ли сообщить что-либо существеннаго о событіи Лактанцій, который писалъ свое сочиненіе *De mortibus persecutorum* не на Западѣ, въ Трирѣ, а на Востокѣ, въ Никомидіи, и который прибылъ на Западъ ко двору Константина в. только въ 314 или 315 году ¹⁶⁾, когда вышеназванное сочиненіе было издано и никакія дальнѣйшія улучшенія были въ немъ невозможны?

Здѣсь будетъ уместно (а, пожалуй, и любопытно) привести сужденіе нѣмецкаго профессора Vict. Schultze, который дѣлаетъ сравнительную оцѣнку сказаній Евсевія и Лактанція по занимающему насъ вопросу. „Со временъ Буркгардта (т. е. съ 50-хъ годовъ XIX вѣка),—говоритъ онъ,—сдѣлалось обычнымъ безо всякихъ околѣностей отвергать клятвенное свидѣтельство Константина (въ удостовѣреніе дѣйствительности видѣнія имъ креста на небѣ), какъ лжесвидѣтельство, а Евсевія объявлять соучастникомъ въ распространеніи басни, но,—заявляетъ нѣмецкій ученый,—объективное разсмотрѣніе дѣла не оправдываетъ такого приговора, если при этомъ не станемъ заводить споровъ о томъ, что, благодаря риторическому стилю повѣствователя, факты у него пересчитаются съ рефлексіями и фантазіями. Сюда относятся описаніе настроеній Константина, описаніе лабарума (крестной хоругви, устроенной имъ), такъ какъ Евсевій по ошибкѣ сообщаетъ

¹⁶⁾ По основательному мнѣнію † проф. В. В. Болотова, вызовъ Лактанція послѣдовалъ въ это же время (Отзывъ о сочиненіи А. И. Садова, стр. 68). Въ самомъ дѣлѣ, не къ чему было вызывать Лактанція раньше, когда извѣстно, что Криспъ родился въ 306—307 году и не могъ нуждаться въ серьезномъ ученіи ранее 314—315 года.

извѣстiя о лабарумѣ въ позднѣйшей его формѣ,—въ той, въ какой историкъ самъ видѣлъ хоругвь“ и пр. Что касается Лактанціева сказанiя, то нѣмецкiй ученый прямо объявляетъ, что „предпочтенiе Лактанціа Евсевію въ этомъ вопросѣ (о таинственномъ видѣнiи) ни на чемъ не основано; ибо онъ (не только не знаетъ того, о чемъ сообщаетъ Евсевій, но и) почему-то ничего не знаетъ объ *exercitus visos, qui se divinitus missos prae se ferebant*, о каковомъ чудѣ говоритъ языческiй панегиристъ Назарій, и о чемъ распространенъ былъ слухъ въ цѣлой Галліи (*in ore omnium Galliarum*); да и рассказъ Лактанціа о ночномъ явленiи Константину отличается лживостiю въ хронологическомъ отношенiи“. Въ заключенiе проф. Schultze даетъ понимать, что едва ли Лактанцій не зналъ о чудесахъ, которыми сопровождался,—по общему увѣренiю,—походъ Константина на Римъ; онъ зналъ о нихъ, но не желалъ рассказывать объ этомъ или потому, что, какъ „человѣкъ просвѣщенный“, считалъ себя въ правѣ сомнѣваться въ рассказываемыхъ чудесахъ, или потому, что съ его точки зрѣнiя чудеса были явленiями очень обычными, и онъ не счелъ нужнымъ давать мѣста рассказамъ о нихъ въ своемъ очень краткомъ историческомъ очеркѣ (*De mort. pers.*). Во всякомъ случаѣ,—по сужденiю цитируемаго ученаго,—молчанiе Лактанціа о томъ, о чемъ рассказываютъ и Евсевій и панегиристъ Константина в. Назарій, не колеблетъ авторитета Евсевія и не даетъ основанiй строго судить Назарія¹⁷⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что протестантизмъ нѣмецкаго ученаго вовсе не мѣшаетъ ему быть бѣльшимъ другомъ Евсевія, чѣмъ Лактанціа, хотя обыкновенно протестанты, когда рѣчь идетъ о явленiи Константину в., рѣшительно предпочитаютъ свидѣтельство послѣдняго свидѣтельству перваго.

Второю инстанціей, послѣ Лактанціа, позволяющею скептически смотрѣть на рассказъ о явленiи креста Константину в., проф. А. А. Спасскiй считаетъ, какъ мы говорили уже, утверждаемое имъ критико-скептическое отношенiе историка Созомена къ изучаемому нами рассказу Евсевія. Признаемъ, это такъ ново:—Созоменъ въ роли критика, да кого же? самого Евсевія! Неожиданно!

Но не станемъ забѣгать впередъ. Выслушаемъ прежде то, что говоритъ г. Спасскiй въ разъясненiе своего тезиса.

¹⁷⁾ R.—E. von Herzog-Hauck X³, S. 762.

„Общепризнанный авторитетъ за разсказомъ Евсевія установился не вдругъ,—пишетъ авторъ. Въ IV и V вѣкахъ съ нимъ еще не связывали никакого мистическаго (?) значенія, и если при изложеніи исторіи Константина любили обращаться къ нему, то видѣли въ немъ только достопамятное (курьезное—что ли?) сказаніе, подлежащее, однако, законамъ исторической критики. На Западѣ редакція Евсевія осталась совершенно неизвѣстной ¹⁸⁾... И на Востокѣ... разсказъ Евсевія не сразу устранилъ соперничавшія съ нимъ редакціи. Въ 444 году окончили свою исторію константинопольскій схоластикъ Созоменъ; свой трудъ онъ посвятилъ... императору Θεодосію Младшему и ничего не опустилъ, чтобы назидательностью своихъ повѣствованій стяжать (?) милость благочестиваго царя. Разсказъ Евсевія о необычайномъ небесномъ покровительствѣ, явленномъ въ отношеніи къ великому предшественнику его, могъ бы хорошо служить этой цѣли: однако, историкъ нисколько не старается придать ему исключительное значеніе. Сначала онъ [въ своей Церк. исторіи] сообщаетъ новую версію разсказа ¹⁹⁾, что Константинъ видѣлъ крестное знаменіе [знамя] во снѣ и что слова: «симъ побѣдиши» сказали ему ангелы, представшіе ему во время того же сна...; затѣмъ онъ передаетъ разсказъ, близкій къ Лактанцію ²⁰⁾, хотя и не вполне сходный съ нимъ, и только теперь обращается къ Евсевію и кратко воспроизводитъ его повѣствованіе ²¹⁾, ничѣмъ не выдѣляя его изъ ряда другихъ, сообщае-

¹⁸⁾ Не правда! Редакція Евсевіева вошла въ извѣстный трудъ Кассіодора: *Historia tripartita* (lib. I, cap. 4). А исторія Кассіодора была учебникомъ въ западныхъ школахъ во всѣ средніе вѣка:—по ней учился и Лютеръ. Слѣдовательно, разсказъ Евсевія былъ хорошо извѣстенъ на Западѣ.

¹⁹⁾ Ничуть не „новую“ версію. Она новою представляется только г. Спасскому, которому остался неизвѣстенъ источникъ, откуда она заимствована (см. стр. 692 сл.).

²⁰⁾ Ни мало не „близкій къ Лактанцію“. Разсказъ заимствованъ изъ того же источника, изъ котораго заимствовано и начало разсказа Созомена. См. предыдущее примѣчаніе.

²¹⁾ Совсе не кратко! Созоменъ достаточно подробно передаетъ весь разсказъ Евсевія (много подробнѣе Сократа),—настолько подробно, что, и не зная Евсевія, можно по Созомену воссоздать картину, описанную авторомъ „Жизни Константина“. Правда, у Созомена не указаны детали той крестной хоругви (лабарума, по Созомену), которая устроена была царемъ, сообразно видѣнію; но если это уместно было въ биографіи Константина, написанной Евсевіемъ, то могло представ-

мыхъ имъ версій ²²⁾ (Hist. eccl. I, 3). Эта исторія Евсевіевой редакціи... сама по себѣ уже показываетъ, что древняя церковь отнюдь не связывала съ ней какого-либо непререкаемаго или каноническаго (!) авторитета и представляла его на свободное усмотрѣніе каждаго. Намъ думается, что точка зрѣнія древней церкви, осуществленная (!) въ исторіи Созомена, должна быть принята и современной церковно-исторической наукой при научномъ обсужденіи разсказа Евсевія... Никто и ничто не пострадаетъ отъ того, если на основаніи точнаго научнаго анализа... извѣстіе, напр., Лактанція или Созомена... будетъ признано вѣроятнѣе разсказа Евсевія ²³⁾.

Съ разсужденіями проф. А. А. Спасскаго о научно-критическомъ отношеніи Созомена къ Евсевію соглашаться нельзя... Для автора оказался не яснымъ предметъ, о которомъ онъ взялся трактовать. У Созомена и въ мысли не было критиковать разсказъ Евсевія о великомъ историческомъ событіи въ жизни Константина, не возбуждавшемъ, къ тому же, ни въ комъ и никакихъ сомнѣній. У него и въ умѣ не было,—что называется,—подставить ножку знаменитому его предшественнику въ области исторіографіи. Дѣло объясняется гораздо проще. Созоменъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи два разсказа о событіи: Евсевіевскій и Руфиновъ (который остался совершенно неизвѣстенъ г. Спасскому). Изъ того и изъ другого онъ заимствовалъ то, что ему казалось подходящимъ къ его задачѣ. На первомъ мѣстѣ онъ помѣстилъ сказаніе Руфина (которое г. Спасскій принялъ за какія-то различныя версіи, частію даже совсѣмъ новыя, т. е. ни откуда, кромѣ Созомена, неизвѣстныя), а на второмъ — сказаніе Евсевія. Почему на первомъ мѣстѣ онъ помѣстилъ то сказаніе, а на второмъ это,—вопросъ, который рѣшается легко. Изъ Руфина Созоменъ беретъ лишь отрывокъ разсказа, а изъ Евсевія цѣлый рядъ фактовъ, взаимно связанныхъ другъ съ другомъ; да и не полный разсказъ Руфина лучше было поставить впереди полнаго и обстоятельнаго. Вотъ тотъ отрывокъ изъ Руфина, который г. Спасскій принялъ за какой-то критическій аппаратъ въ книгѣ Созомена. „Константинъ все чаще и чаще

латься лишнимъ для общей исторіи, какую составлялъ константинопольскій схоластикъ.

²²⁾ У Созомена нѣтъ ряда версій, а есть только двѣ: Евсевіевская и еще другая.

²³⁾ Брош., стр. 27—28; „Бог. Вѣстн.“ 1904 г., III, 653—654.

сталъ поднимать очи къ небу, вымаливая отсюда себѣ божественную помощь. И вотъ видитъ онъ во снѣ на небѣ, къ восточной сторонѣ, огненный и сіяющій знакъ креста. И когда онъ еще не освободился отъ ужаса, его поразило новое явленіе. Онъ увидѣлъ предъ собою ангеловъ, говорящихъ: Константинъ, симъ побѣдишь! Тогда онъ обрадовался и увѣровалъ въ побѣду надъ врагомъ“²⁴⁾. До сихъ поръ Созоменъ очень точно передаетъ разсказъ Руфина, а остальная часть разсказа его, которая г. Спасскимъ не приведена, передана греческимъ историкомъ не точно²⁵⁾. Руфинъ пишетъ: „Мнѣ кажется, что съ нимъ (Константиномъ в.) случилось не меньше того, что было съ тѣмъ, кому подобнымъ же образомъ сказано съ неба: «Савль, Савль, что меня гонишь: Я Иисусъ

²⁴⁾ Eusebii historiae eccles. ex Rufini interpretatione, liber IX, cap. 9: Ad collum saepius oculos levaret et inde sibi divinum precaret auxilium. Videt per soporem ad orientis partem in coelo signum crucis igneo fulgore rutilare. Cumque tanto visu fuisset exterritus ac novo perturbaret aspectu. Adstare sibi videt angelos dicentes: Constantine, in hoc vince. Tunc vero laetus redditus et de victoria iam securus. Въ извиненіе г. Спасскаго, который оказался незнакомымъ съ Руфиномъ, нужно сказать, что та часть его исторіи, которая составляетъ переводъ Евсевіевой исторіи (съ добавками Руфина), имѣетъ мало изданій и не во всѣхъ даже большихъ бібліотекахъ имѣется. Напр., мы въ своемъ распоряженіи имѣли лишь старинное изданіе этого Руфинова труда—editio rarissima (Mantuae 1479); лишь потомъ получено изданіе Моммзена въ Eusebius' Werke (гдѣ цитуемое мѣсто см. Bd. II, p. 829).

²⁵⁾ Въ сущности, эта часть разсказа Созоменова не приведена проф. А. А. Спасскимъ не спроста, а съ тенденціозною цѣлію. Привести эту часть разсказа онъ не могъ. Здѣсь мы читаемъ у Созомена такія слова: „говорятъ, что и самъ Христосъ явился Константину, показалъ символъ креста и заповѣдалъ устроить подобіе ему“. Являлся лично наяву самъ Христосъ и бесѣдовалъ съ императоромъ! Да этого не утверждаетъ ни одинъ древній историкъ, и меньше всего умный Евсевій. Указать на этотъ фактъ г. Спасскій не могъ:—этотъ фактъ разрушилъ бы всю его аргументацію, направленную къ мысли, что будто Созоменъ скептически смотрѣлъ на сказаніе Евсевія о видѣніи креста на небѣ. Еслибы этотъ фактъ былъ достовѣренъ, онъ имѣлъ бы величайшее историческое значеніе; но на самомъ дѣлѣ онъ совершенно фантастиченъ и потому лишенъ всякой научной цѣны. Г. Спасскій не могъ воспользоваться имъ въ своемъ сочиненіи. Указать на этотъ фактъ значило бы для г. Спасскаго сознаться, что Созоменъ готовъ вѣрить всему,—что послѣдній готовъ вѣрить и въ такія легенды, имъ же самимъ скомпанованныя, которыя и на мысль не могли придти Евсевію. Такимъ образомъ, умолчаніе г. Спасскаго въ данномъ случаѣ должно было спасать его аргументацію въ его же собственныхъ глазахъ.

Назарянинъ». Если же этотъ (Константинъ в.) не преслѣдовалъ, то былъ приглашаемъ къ тому⁴. Это сравненіе Константина в. съ Апостоломъ Павломъ, которому являлся Христосъ, привело Созомена къ ложной мысли, что и Константину в. Христосъ являлся наяву, каковую мысль онъ, Созоменъ, и прописываетъ въ своей исторіи. Разсказъ Руфина заканчивается указаніемъ на то, что царь по подражанію видѣнному кресту сдѣлалъ лабарумъ (знамя) и сталъ возлагать на него свои надежды. Это указаніе повторяетъ, примѣнительно къ своему разсказу, и Созоменъ. Что Созоменъ могъ знать, пользоваться исторіею Руфина и пользовался ею,—это принадлежитъ къ числу точныхъ фактовъ. Пользованіе ею съ его стороны было тѣмъ легче, что исторія Руфина еще въ началѣ V-го вѣка была переведена на греческій языкъ Геласіемъ, епископомъ кизическимъ²⁶). Мы сейчасъ указали, что Созоменъ не всегда точно передаетъ смыслъ латинскаго оригинала, но полагаемъ, что въ этомъ случаѣ больше всего былъ повиненъ переводчикъ латинскаго историка. Созоменъ бралъ готовое и, вѣроятно, не въ состояніи былъ исправлять переводъ по оригиналу.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Созоменъ, на котораго возлагалъ такія большія надежды проф. А. А. Спасскій, ни мало не оправдываетъ его надеждъ. О критикѣ Евсевіева разсказа Созоменъ ничуть не думаетъ, скепсиса въ отношеніи этого разсказа не питаетъ и ни на одну минуту не рѣшается какой-либо другой разсказъ о событіи предпочитать Евсевіеву. Всѣ подобнаго рода домыслы суть чистыя фантазіи. Никакой новой версіи сказанія о событіи онъ не зналъ:—не зналъ ихъ ни на основаніи преданія, ни на основаніи какого-либо памятника, до насъ не дошедшаго. Версію Созомена составлялъ неновый трудъ Руфина,—трудъ, котрымъ пользовались многіе: и Сократъ, и Θεодоритъ, и Геласій. Вообще, изучая вопросъ о Созоменѣ, въ той постановкѣ, какую даетъ ему г. Спасскій, мы находимъ, что ту версію о видѣніи Константина, которую г. Спасскій принимаетъ за собственную Созоменовскую, но которая оказалась просто Руфиновскою, нѣтъ никакихъ основаній предпочитать обык-

²⁶) † Проф. А. А. П. Лебедевъ, Церковная историографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка до XX-го (Москва 1898), стр. 122 (Спб. 1903, стр. 132).

новенной Евсевіевой, какъ рекомендуетъ это г. Спасскій, увѣряя, что будто бы „никто и ничто не пострадаетъ отъ того, если на основаніи точнаго (скорѣе: мнимаго) научнаго анализа извѣстіе, напр., Созомена будетъ признано вѣроятнѣе разсказа Евсевія“, т. е., попросту сказать, если Евсевій, какъ чудолобецъ, будетъ оставленъ въ сторонѣ 27). Странная Евсевіеобязнь!

Своимъ этюдомъ о Созоменѣ г. Спасскій старался доказать, будто „общепризнанный авторитетъ за разсказомъ Евсевія о видѣніи креста установился (даже на греческомъ Востокѣ) не вдругъ“. Мы видѣли, что Созоменъ на самомъ дѣлѣ отнюдь не можетъ считаться какимъ-либо выразителемъ оппозиціи къ извѣстному авторитетному сказанію Евсевія. Мало того: мы полагаемъ, что въ греко-восточной церкви никто не являлся оппонентомъ въ отношеніи этого Евсевіева сказанія вплоть до 1904 года. Не перебирая всѣхъ писателей, остановимъ вниманіе на древнихъ греческихъ историкахъ, — и что же оказывается? Они или повторяютъ разсказъ Евсевія, или слегка варьируютъ его, но не отступаютъ отъ него. Начнемъ съ Филосторгія, болѣе ранняго греческаго церковнаго историка V-го вѣка въ ряду его современниковъ. Его исторія дошла до насъ въ сокращеніи ея Фотіемъ. Послѣдній вотъ что говоритъ, передавая содержаніе 6-й главы I-й книги Филосторгія. „Подобно другимъ (вѣроятно, Евсевію, Сократу и проч.), онъ пишетъ, что причиною обращенія Константина великаго отъ языческаго суевѣрія къ христіанству была побѣда его надъ Максенціемъ, во время которой явилось и знаменіе креста, протянувшееся далеко по востоку и образовавшееся изъ поразительнаго свѣта, вокругъ коего, на подобіе радуги, плавали звѣзды и, расположившись въ видѣ буквъ, составили на латинскомъ языкѣ выраженіе: симъ побѣждай“. Основа здѣсь, очевидно, Евсевіева; послѣднія слова составляютъ домысль, восполняющій, но не вредящій разсказу епископа кесарійскаго. Сократъ очень кратко пере-

27) † Проф. В. В. Болотовъ, предъ авторитетомъ котораго такъ преклоняется г. Спасскій (см. стр. 685, а), говорилъ своимъ слушателямъ: „Упомянутіе о чудесахъ (—рѣчь у него о крещеніи Константина в.—) само по себѣ не есть еще признакъ недостоверности, но чудеса потому и чудеса, что они повторяются не часто“ (см. „Христ. Чтен.“ 1907 г., февр., прилож., стр. 25 и отдѣльно: Лекціи по исторіи древней церкви, вып. I. Спб. 1907, стр. 25).

даетъ разсказъ Евсевія, ничего къ нему не прибавляя (I, 2). Θεодоритъ опускаетъ этотъ разсказъ, потому что начинаетъ свою исторію со времени появленія ереси аріанской. Историкъ Геласій кизическій такъ описываетъ явленіе: „Константина Богъ отъ неба вооружилъ, показавъ ему спасительный свѣтовидный символъ креста на небѣ, а надпись объясняла смыслъ видѣнія: симъ побѣдишь“. Затѣмъ онъ кратко описываетъ знамя, сооруженное царемъ по образцу видѣннаго (*Gelasii Cuz. Historia concilii nicaeni, lib. I, cap. 4—5*). Очевидно,— по Евсевію. Лѣтописецъ Теофанъ пишетъ: „Когда Константинъ находился въ великомъ недоумѣніи, вдругъ явился ему, въ шестомъ часу дня, честный крестъ, изъ свѣта устроенный, съ надписаніемъ: симъ побѣждай. Тогда Константинъ, наскоро устроивши златой крестъ“ и пр. (Лѣтопись византійца Теофана; рус. пер., Москва 1890, стр. 11). Это все тотъ же Евсевій, но въ сокращеніи. Изъ вышеприведенныхъ словъ Фотія видно, что до IX вѣка всѣ передавали нашу исторію подобно Филосторгію, т. е. въ смыслѣ Евсевія. Дальше слѣдить не зачѣмъ. Несомнѣнно, въ древности никто не думалъ противорѣчить Евсевію. Г. Спасскій не можетъ доказать обратнаго, хотя бы и хотѣлъ этого, ради своей теоріи ²⁸⁾).

Оканчивая разборъ рѣчи проф. А. А. Спасскаго, одно можемъ отмѣтить, какъ положительный результатъ нашихъ личныхъ наблюденій надъ источниками, имѣющими отношеніе къ нашему вопросу;—въ древней церкви существовало двѣ версіи разсказа объ изучаемомъ событіи: одна латинская (Лактанцій, Руфинъ), сводившая явленіе Константину в. къ сонному его состоянію (версія—едва ли распространенная),

---

²⁸⁾ Нельзя не отмѣтить удивительной непослѣдовательности разсужденій проф. А. А. Спасскаго. Возбуждая (и не случайно) недоумѣнія, скепсисъ, недовѣріе къ разсказу Евсевія (какъ указано нами выше), авторъ затѣмъ нимало ни сумняся пишетъ: „привлекательное (?) по своей простотѣ извѣстіе Лактанція и величественный разсказъ Евсевія, за которыхъ (?) стоитъ авторитетъ очевидца Константина,—оба имѣютъ одинаковое право на признаніе (чѣмъ?), и нельзя указать твердыхъ оснований (зачѣмъ и было указывать ихъ?) въ пользу исключительнаго предпочтенія того или другого“ (Брош., 37). И въ другомъ мѣстѣ говорить: „тревожное душевное состояніе, охватившее („состояніе“ и „охватившее“) Константина,.. разрѣшается видѣніемъ во снѣ или наяву, въ которомъ онъ получаетъ высшее повелѣніе идти на бой во имя Христа“ (ibid., 58).

а другая — греческая, допускавшая явленіе Константину в. произшедшимъ наяву. Этой второй версіи держались всѣ греческіе писатели, не исключая Ермія Созомена, константинопольскаго схоластика. Отчего произошло такое раздвоеніе,—затрудняемся сказать. Во всякомъ случаѣ ошибочно было бы утверждать, что западные источники стоятъ выше восточныхъ по компетентности ихъ авторовъ.

Ал. Лебедевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки